

МЕЖДУ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ГРУППОЙ И НАРОДОМ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАШУБСКИХ И СИЛЕЗСКИХ АКТИВИСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ

Олександр Дмитрович Васюков
(avasyukov@hse.ru)

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге;
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Васюков О.Д. (2019) Между этнографической группой и народом: национальный дискурс кашубских и силезских активистов в современной Польше. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(2): 173–209.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.7>

Аннотация. Статья посвящена анализу национального дискурса, продуцируемого активистами кашубского и силезского этнических движений в современной Польше. Кашубы и силезцы — западнославянские этнические группы, традиционно проживающие в зоне польско-немецкого культурного контакта. Обе группы традиционно описывались в польском научном и политическом дискурсе в качестве этнографических групп поляков. Однако на протяжении последних двух десятилетий среди рассматриваемых сообществ активизировались организации, которые призывают к признанию кашубов и силезцев отдельными народами и внесению их в список законодательно признанных этнических меньшинств в стране. Представлены результаты полевого исследования, проведенного осенью 2018 г. в Поморском и Силезском воеводстве Республики Польша, в ходе которого автору удалось провести серию глубинных полуструктурированных интервью с представителями нескольких кашубских и силезских организаций. Основным предметом обсуждения стали текущий и желаемый законодательный статус сообществ, стратегии и возможные препятствия для его достижения. Значительное внимание также уделялось стратегиям презентации собственной этнической идентичности кашубскими и силезскими активистами, а также их рецепции современной национальной политики в Польше. Как показывает исследование, среди активистов, представляющих две наибольшие группы с непольским этническим самосознанием в стране, существует устойчивое стремление повысить собственный законодательный статус. Многие кашубские и силезские активисты отмечают недостаточное внимание со стороны государства, а также неуважительное отношение со стороны этнического большинства страны. Несмотря на хорошее осознание недостатков текущего юридического статуса, кашубские и силезские активисты демонстрируют слабое понимание тех преимуществ, которые может повлечь признание их этническим меньшинством. Этнические активисты видят в этом прежде всего свидетельство демократизации польского общества и демонстрацию уважения к ним со стороны государства.

Ключевые слова: кашубы, силезцы, Польша, народ, этнические меньшинство, этнический активизм.

Введение

Национальная политика и межэтнические отношения в регионе Центрально-Восточной Европы традиционно вызывают значительный интерес в научной литературе. Изданы сотни монографий и тысячи статей, посвященных национальной идентичности и языковой политике в большинстве этнокультурных групп региона. Однако специфика национального конструирования и трансформации этнической идентичности в группах, которые традиционно считались субэтнотами или этнографическими группами титульных этносов, зачастую остается вне поля зрения исследователей. При этом результаты последней переписи населения в Польше, которая состоялась в 2011 г., неожиданно для многих продемонстрировали, что кашубы и силезцы являются наиболее крупными сообществами в государстве, для которых характерна непольская или альтернативная польской этническая идентичность. Данный факт требует специального анализа не потому, что сигнализирует об изменениях в этнической структуре населения одного из крупнейших государств Центральной Европы. Скорее, за этим кроется указание на более глубокие процессы смены предпочтений в этнической идентификации сообществ, которые еще недавно прочно описывались как этнографические группы поляков. Если до 2002 г. кашубы и силезцы даже не выделялись как отдельные этнические группы во время переписи населения, то сегодня уже существует развитое движение за признание их официальными этническими меньшинствами в государстве, а в случае силезцев — и за предоставление политической автономии региона. Актуальность темы обусловлена тем фактом, что Польша — далеко не единственное государство региона, столкнувшееся с такой проблемой. Моравы в Чехии, русины в Словакии (Kokaisl: 2017), Украине (Магочий: 1995; Мишанич: 2013) и Сербии, полешуки в Беларуси (Цадко: 2016), жемайты в Литве, буневцы в Сербии и Венгрии (Vuković: 2015) представляют собой примеры схожего процесса активизации субэтнических движений в странах Центральной и Юго-Восточной Европы начала 1990-х годов. Пристальное внимание к данным группам, а также к заявлениям и поступкам активистов, претендующим на их представительство, позволит нам лучше понять изменения, произошедшие в этнической и национальной политике государств региона за последние три десятка лет. Исследование посвящено дискурсивным практикам презентации этничности активистов из нескольких кашубских и силезских организаций в Польше, а также их представлениям о необходимом юридическом статусе для своих групп, возможностях и стратегиях его достижения.

Теоретическая рамка исследования основана на реляционной концепции этничности. Особенное влияние на позицию автора оказали идеи норвежского социального антрополога Фредрика Барта, согласно которому этнические группы могут мыслиться как формы социальной организации, основанные на процессе постоянной самокатегоризации и категоризации другими. Границы между этническими группами постоянно пересекаются и поддерживаются посредством специфических механизмов включения и исключения (Барт 2000: 15–18).

В качестве основного метода сбора данных реализована серия глубинных полуструктурированных интервью. Всего было проведено 21 интервью, в ходе которых автор обсудил с членами кашубских и силезских организаций желаемый законодательный статус для сообществ, возможность признания кашубов и силезцев этническими меньшинствами, потенциальные возможности, которые предоставляет такой статус, стратегии и сложности его достижения. Во время интервью автор стремился выявить палитру мнений среди активистов относительно их этнической идентичности, восприятие кашубского и силезского этнических движений в Польше, их оценку современной национальной политики государства. Все интервью были транскрибированы автором статьи, а имена в приводимых далее цитатах изменены.

Следует отметить, что этническое своеобразие кашубов и силезцев уже более полутора века является объектом пристального изучения этнографов, культурных антропологов, лингвистов и историков в Польше и за ее пределами. Традиция изучения данных групп опирается на труды таких известных авторов, как Я. Карлович, К. Мронговиуш, С. Рамулт, А. Гильфердинг, Я. Быстронь, А. Фишер, Ф. Лоренц и многих других. Однако появление специальных исследований, посвященных этническому активизму как частному случаю социального движения кашубского и силезского сообществ, стало возможным лишь к концу 1980-х — началу 1990-х годов. Одними из наиболее авторитетных авторов в этой области являются Йюзеф Божишковски, автор работ «Сущность кашубского движения и его развитие со второй половины XIX века до современности» (1982), «История, география, язык и письменность кашубов» (1999), Брунон Сынак («Кашубская идентичность: постоянство и изменения», 1998), Зигмунт Шультка («Исследования происхождения и языка кашубов», 1992), Цезари Обрахт-Прондзинский («Кашубы сегодня: культура — язык — идентичность», 2005).

Принятие законов, определивших основы этнополюки в Польше, а также формирование последовательных движений за признание кашубов и силезцев этническими меньшинствами спровоцировало появление новой

волны социологической и политологической литературы, посвященной данным сообществам. Среди наиболее важных необходимо упомянуть многочисленные публикации Моники Мазурек, посвященные изменениям кашубской этнической идентичности, Николь Доловы-Рыбинской, посвященные языковой политике и национальному дискурсу кашубских организаций, статьи Эвы Михны, в которых сопоставляются стратегии этнического активизма силезцев и русинов (Michna 2014: 116–118). Значительный резонанс в польском обществе вызвала публикация в 2013 г. книги Дариуша Ерчинского «История силезского народа», где подробно рассматриваются проекты национального конструирования среди силезцев последних двух веков. Другим известным автором, занимающимся этой проблемой, является профессор Сент-Эндрюсского университета Томаш Камузелла, автор работ «Силезия и центральноевропейский национализм: возникновение национальных и этнических групп в прусской и австрийской Силезии 1848–1918», «Создание национальности в Центральной Европе, 1880–1950: модернность, насилие и принадлежность в Верхней Силезии» (2016). Можно упомянуть также публикации М. Мысливец, М. Щучак, Я. Зенюковой, П. Буюк, З. Грень, М. Герлих, посвященные различным аспектам этнической, языковой и исторической политики среди кашубов и силезцев. Вместе с тем следует отметить, что подавляющее большинство исследований представляет позицию лишь некоторых, зачастую наиболее крупных этнических организаций. При этом идеологическая позиция членов небольших, но порой более активных и радикальных объединений остается за рамками внимания. Например, основной массив кашубологической литературы основан на анализе мнений и практик членов Кашубско-Поморской ассоциации, тогда как этнический активизм и политический дискурс членов организации «KaszëbskôJednota» вскользь рассматривается лишь в одной статье Н. Доловы-Рыбинской. Недостаточно освещенной остается и деятельность членов «Объединения лиц силезской национальности», организации «ŚląskaFejajna». Представляется, что это существенно ограничивает наше понимание (суб)этнического активизма в Центральной Европе, поскольку именно эти организации последовательнее всего выступают за признание кашубов и силезцев отдельными народами и за достижение статуса «этническое меньшинство». Настоящее исследование призвано восполнить образовавшийся пробел.

Статья представляет результаты полевого исследования автора, проведенного осенью 2018 г. в Польше*. В ходе исследования автору удалось

* Исследование осуществлялось при финансовой поддержке Центра изучения Германии и Европы.

посетить пять городов в Поморском воеводстве (Гданьск, Гдыня, Вейхерово, Картузы, Реда), административный центр Силезского воеводства город Катовице (рис. 1) и встретиться с представителями кашубского и силезского этнического активизма. Среди информантов 15 мужчин и 6 женщин, возраст которых колеблется от 22 до 64 лет. Среди активистов 19 человек с высшим образованием и двое со средне-специальным. Все информанты являются членами известных в стране организаций: Kaszëbskô Jednota, Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, Stowarzyszenie Osób Narodowości Śląskiej, Śląska Ferajna, — которые стремятся принимать активное участие в публичной дискуссии относительно статуса кашубской и силезской этнической групп. В поисках первых потенциальных информантов автор напрямую обратился в указанные организации, а в дальнейшем, следуя методу «снежного кома», постепенно расширял круг опрашиваемых активистов.

Рис. 1. Маршрут полевого исследования (карта автора)

Этнический активизм является основной сферой занятости лишь для трех информантов, остальные же совмещают его с другой профессиональной деятельностью. Среди информантов есть школьные учителя, журналисты, юристы, работники торговой сферы и туризма.

Следует отметить, что сознательный выбор активистов в качестве основных информантов вносит определенное ограничение в результаты исследования. Существует предположение, что, учитывая активную вовлеченность в этническое движение, они представляют лишь крайний полюс в структуре предпочтений всего сообщества, который условно может быть назван «активистским полюсом». Необходимо соблюдать крайнюю осторожность, когда мы экстраполируем позицию активистов на все этническое сообщество. Тем не менее исходя из поставленных перед исследованием целей автору было важно пообщаться именно с людьми, которые включены в этническое движение на региональном уровне и отличаются высокой рефлексивностью по поводу своей этнической идентичности и желаемого законодательного статуса для сообщества.

Структура статьи предполагает последовательное освещение специфики кашубского и силезского сообществ, связанного с их численностью и расселением, анализ современного законодательного статуса и его критики со стороны этнических активистов, представление основных стратегий артикуляции этничности, желаемого законодательного статуса и восприятия национальной политики кашубскими и силезскими активистами.

Характеристика сообществ:

численность, расселение и дилемма этнической идентичности

Из 38 млн 511 тыс. человек, проживающих в Польше на момент переписи 2011 г., большинство (96,8 %) задекларировало польскую этничность. Столь высокий процент представителей титульного этноса в структуре населения позволяет описывать Польшу как этнически гомогенное государство. Однако если обратиться к изучению динамики этнической структуры населения страны, можно обнаружить интересные изменения (рис. 2). В 2011 г. сообщества, которые традиционно воспринимались как наиболее крупные национальные меньшинства в Польше: немцы, украинцы и белорусы, — были отеснены с первых позиций силезцами и кашубами. Если предыдущая перепись населения (2002 г.), во время которой данные сообщества впервые учитывались как отдельные от поляков этнические группы, показала лишь 173 тыс. силезцев и 5,1 тыс. кашубов, то данные последующей продемонстрировали многократный прирост этих сообществ. Неадекватность результатов пере-

писи 2002 г. была очевидной для многих. Так, кашубами себя назвали лишь 5,1 тыс. человек, тогда как более 56 тыс. чел. говорили дома в основном по-кашубски (Raport 2003: 40–41). Усовершенствованная методика переписи населения, которая, в частности, позволила респондентам указывать двойственную этническую идентичность, привела к совершенно другим результатам. В 2011 г. кашубами себя назвало 233 тыс. чел, из которых более 16 тыс. считали себя исключительно кашубами, а 108 тыс. заявили о владении кашубским языком. Силезцами себя назвали уже 847 тыс. человек, из которых 375 тыс. определили себя только как силезцев, а 435 тыс. преимущественно как силезцев. Более 529 тыс. человек говорили дома преимущественно по-силезски. Данные результаты показывают сложную структуру предпочтений этнической идентификации среди кашубов и силезцев, которая в целом характеризуется высоким уровнем бинарной (кашубско-польской или силезско-польской) модели этнического самоопределения. При этом очевиден рост людей, которые считают себя исключительно кашубами или силезцами. Специфика стратегий этнической декларации кашубов и силезцев будет подробнее освещена ниже, однако следует учесть тот факт, что за период между двумя последними переписями в Польше выросло число людей, которые причисляют себя к этническим меньшинствам (с 471 тыс. в 2002 г. до 1 млн 468 тыс. в 2011 г., или на 32 %). Это свидетельствует о постепенной трансформации привычной модели этноидентификации среди граждан страны. Особенно следует учесть тот факт, что подобный прирост обществ, поскольку многие другие традиционные меньшинства в Польше демонстрируют сокращение: немцы — с 153 до 147 тыс. чел (на 4 %), белорусы — с 49 до 46,7 тыс. чел (на 5 %).

Подавляющее большинство кашубов (98 %) проживает в пределах Поморского воеводства. Силезцы живут преимущественно в Силезском (85,3 %) и Опольском (12,6 %) воеводствах (Narodowy Spis 2015: 47). Именно эти регионы отличаются наибольшим процентом людей в стране, для которых характерна непольская или альтернативная польской этнической идентичности (рис. 3).

Сравнивая кашубское и силезское сообщества, можно проследить не только разницу в количестве лиц, которые идентифицируют себя как только или преимущественно кашубов и силезцев (7,3 и 51,36 % соответственно), но и тип поселения. Люди, идентифицирующие себя как силезцы, проживают преимущественно в городах (71,5 %), тогда как среди кашубов таких было лишь 35,3 %. Среди силезцев людей с высшим образованием 42 %, тогда как среди кашубов — лишь 31 %.

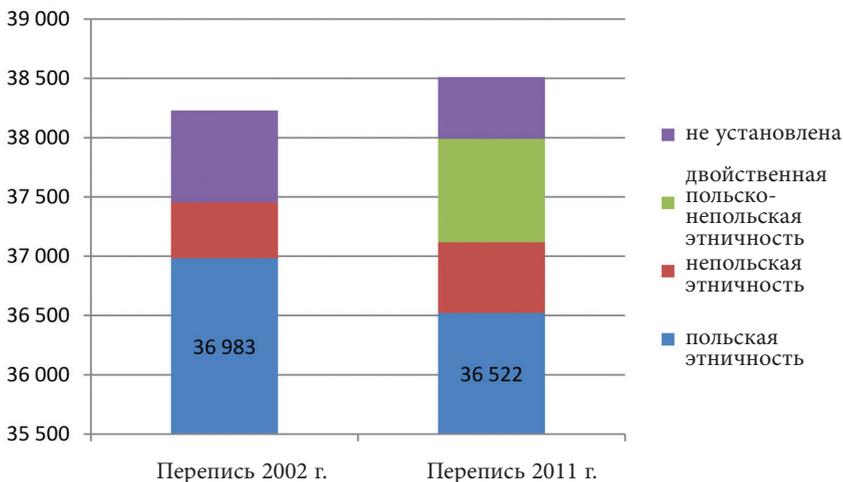

Рис. 2. Динамика этнической структуры населения Польши (2002–2011 гг.), в тыс. чел.

Источник: (Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011).

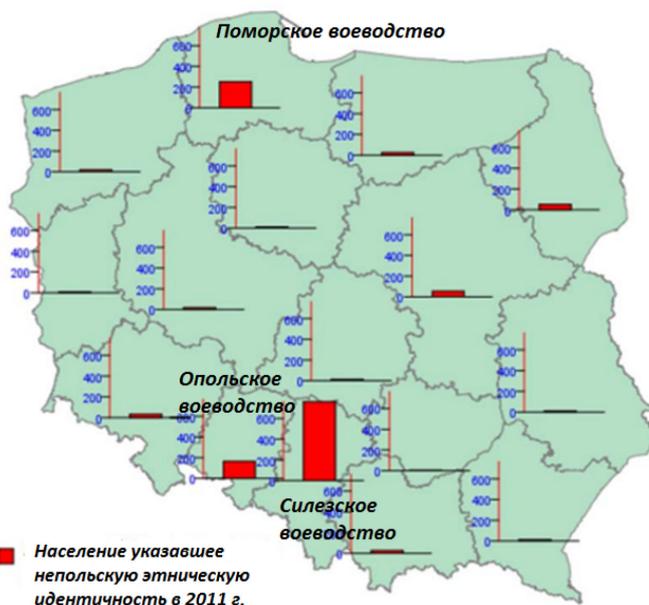

Рис. 3. Регионы Польши с наибольшим процентом населения, указавшим непольскую этническую идентичность

Источник: (Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011).

Анализируя данные переписей населения, следует осторожно воспринимать их достоверность. Реализуемый государством подсчет населения не является единственным источником, на который мы можем опираться, когда пытаемся определить численность интересующих нас сообществ. Помимо них, есть специальные этнографические исследования, содержащие экспертные оценки, порой заметно контрастирующие с официальными. Так, согласно оценкам Марека Лятошека, в конце 1980-х годов в регионе Гданьского Поморья проживали около 0,5 млн кашубов, из которых приблизительно 300 тыс. человек сохраняли кашубский язык (Latoszek 1996: 12). В 1997–2004 гг. в Поморском воеводстве также проводил свои исследования Ян Мордавский, который насчитал 566 тыс. кашубов. Согласно сведениям ученого, в ряде повятов кашубы должны были составлять большинство или заметное меньшинство: в Картузском — 83,8 %, Пуцком — 64,6 %, Косцежском — 61,4 %, Вейхеровском — 47,9 %, Бытовском — 34,9 %, Гданьском — 21 % (Mordawski 2005:43). Если опираться на эти данные, может показаться, что результаты переписи не видят до половины реального количества этнической группы. В чем может быть причина подобного противоречия?

Все опрошенные информанты указали свою национальность («narodowość»)* как кашубскую или силезскую во время последней переписи населения в Польше в 2011 г. Однако следует представлять все многообразие этого явления. Поскольку методология переписи позволила указывать двойственную этническую идентичность («первую» и «вторую»), мы можем выделить несколько стратегий в практике декларации собственной этничности, реализуемой информантами. Среди активистов были: 1) указавшие единственную этничность (кашубскую или силезскую) — 9 чел.; 2) указавшие двойственную этническую идентичность, при которой на первое место ставилась кашубская/силезская, а на второе а) польская — 6 чел., б) иная (силезец/немец) — 1 чел.; 3) указавшие двойственную идентичность, с первой польской, а вторыми кашубской или силезской — 5 чел. Среди информантов не было людей, указавших себя как исключительно поляков либо не указавших этническую идентичность во время переписи.

Исследование выявило, что сам выбор того или иного варианта ответа на вопрос об этничности является предметом сложной рефлексии для многих информантов.

* Как и в России, в польском политическом и юридическом дискурсе под термином «национальность» чаще подразумевается этническая принадлежность.

Marek (кашуб), Вейхерово: *Во время переписи я указал себя как кашуба и поляка. Кашуб как первая национальность, поляк — как вторая. Сегодня я жалею об этом. Думаю, сейчас я бы так не сделал. В следующий раз я укажу себя только как кашуба.*

Большинство информантов склоняются к тому, что во время следующей переписи они также укажут себя как кашубов и силезцев. Лишь одна информантка проявила более гибкую позицию.

Magdalena (кашубка), Гданьск: — *Какую национальность Вы указали во время последней переписи?*

— *Я указала... у меня две идентичности... Польская и вторая — этническая кашубка.*

— *Какую национальность Вы планируете указать во время следующей переписи?*

— *Пока не знаю... это будет зависеть от контекста.*

Интервью с активистами показало, что они крайне недоверчиво относятся к результатам переписи населения, считая, что число выявленных в стране кашубов и силезцев не соответствует действительности. Анализ предположений, высказанных информантами о таком противоречии, позволил выделить несколько основных причин.

1. «Этнический комплекс», который заключается в устойчивом стыдливом сокрытии своего этнического происхождения.

Andrzej (кашуб), Гдыня: *Некоторые люди стыдятся указывать кашубскую идентичность. Это особенно справедливо для старшего поколения... Они вечно боятся выбиваться. Просто... они все еще помнят, как их родители подписывали национальные декларации*. Это порождает страх. Они хотят... раз уж они живут в Польше... указывать себя как поляков... с целью... я не знаю... ну чтобы никто им ничего плохого не сделал.*

Этот информант был не единственным, кто указал на поколенческий фактор. Именно старшая генерация испытывает наибольшие трудности с публичной декларацией кашубской идентичности и кашубского этнического происхождения.

* Информант имеет в виду практику включения кашубов в Folklist во время немецкой оккупации Польши.

Andrzej продолжает...: *Этот страх очень силен среди кашубов... страх, что дискриминация может вернуться.*

Подобная картина была зафиксирована автором и в Силезии.

Daniel (силезец), Катовице: *Часть пожилых силезцев, поколение семидесятилетних, боится указывать силезскость [Śląskość]. Они все еще помнят репрессии 1945–1952 годов, когда ты мог быть репрессирован из-за своей силезскости.*

Частые упоминания о дискриминации, ее описание как уже пережитой (и даже не раз), боязнь ее возвращения указывают на устойчивый травматический элемент в кашубской и силезской внутригрупповой исторической памяти. Даже молодое поколение активистов во время интервью часто эмоционально отсылало к болезненному опыту ассимиляции и реполонизации*, пережитой их семьями и родственниками в течение XX в.

Małgorzata (кашубка), Гданьск: *Если мы говорим об этом [Folklist]... у людей просто не было другого выбора... Это было так тяжело. Это было как проклятие какое-то.*

Фиксация подобных оценок и предположений была для автора вполне ожидаемой, поскольку феномен этнического комплекса не раз становился предметом обсуждения в специальной литературе (Kamusella 2016: 92–96). Эксперты по вопросу кашубского движения отмечают, что этнический комплекс стал результатом низкого социального престижа кашубской культуры и языка на протяжении многих десятилетий (Zieniukowa 2009: 263). Он продолжает играть важную роль среди старшего поколения и ныне. Если сравнить возрастную структуру сообществ, опираясь на данные последней переписи (табл. 1), то окажется, что процент людей старшего поколения у кашубов будет даже ниже, чем у силезцев.

Таблица 1

Возрастная структура сообществ

	Всего	0–9	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70 лет и старше
Силезцы	847 т.	6 %	9 %	15 %	14,3 %	15 %	17 %	11,7 %	12 %
Кашубы	233 т.	9 %	12 %	15,5 %	15,8 %	14 %	15,3 %	9,4 %	9 %

Расчеты автора, источник — результаты переписи 2011 г.: (Narodowy Spis 2015: 153).

* Реполонизация — практика юридического подтверждения польского гражданства после войны.

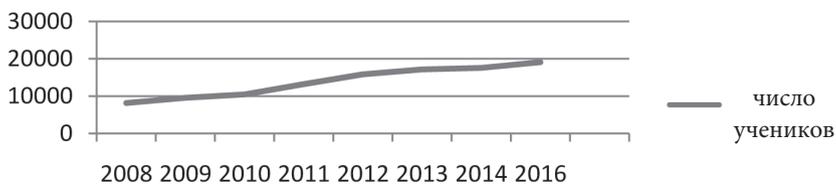

График 1. Рост числа школьников в Поморском воеводстве, изучающих кашубский язык

Источник: (Oświata i wychowanie w roku szkolnym 2015/2016).

Однако исследование позволяет предположить, что этнический комплекс начинает утрачивать свою силу для молодежи. Как видно из таблицы, кашубскую идентичность задекларировал несколько больший процент молодых людей, чем силезскую. Возможно, данный факт во многом связан с внедрением кашубского языка и культуры в образовательные программы школ Поморского воеводства (рис. 4). Силезский язык не преподается ни на одной ступени системы образования в Польше.

Рис. 4. Учебники кашубского языка из школы в г. Реда. Архив автора

Рассуждения информантов подкрепляют такое предположение.

Tadeusz (кашуб), Вейхерово: *В какой-то момент стало даже модно быть кашубом.*

Информанты отмечают ослабление этнического комплекса после частичного признания кашубского сообщества в 2005 г.

Marek (кашуб), Вейхерово: *Есть изменения в восприятии кашубами самих себя после 2005 года... Кашубы стали более открыты к признанию себя как кашубов. Произошли изменения в школе, сейчас кашубский преподается не как диалект... хотя... даже сегодня некоторые учителя до сих пор говорят, что это диалект.*

Однако можно встретить и более скептические оценки.

Andrzej (кашуб), Гдыня: *И младшее поколение... 30–40-летних... они тоже иногда не признаются. Они говорят, что их родители имеют кашубское происхождение, но сами они не кашубы... потому что они не говорят по-кашубски. То есть... у них есть определенное чувство кашубской идентичности... но они не хотят его декларировать.*

2. Отсутствие устойчивой традиции декларации своей этничности как кашубской или силезской. Эта причина связана с тем фактом, что кашубы и силезцы стали выделяться как отдельные этнические группы лишь последние две переписи (2002 и 2011 гг.). Многие люди продолжают по привычке называть себя поляками в отношениях с государством.

Konrad (кашуб), Редз: *Кашубско-Поморская ассоциация была плохо подготовлена к переписи. В 2002 году я учувствовал в агитационной кампании за декларацию кашубской этничности... многие люди были сильно удивлены и не понимали, о чем мы говорим.*

3. Несовершенство техники, примененной во время переписи, влияние фигуры переписчика и целенаправленная политика государства на искажение результатов переписи.

Jacek (силезец), Катовице: *Это не была перепись. Это был какой-то опрос... Это просто несерьезно.*

Некоторые информанты сообщали, что они лично были свидетелями фальсификации во время переписи. Согласно этим свидетельствам, порой переписчики сознательно записывали поляками людей, которые указывали иную этничность.

Konrad (кашуб), Педа: *В 2002 году я лично знал примеры... Мы даже потом подавали дело в суд... Я знаю гмины, где люди указывали кашубскую национальность и язык, а потом... кто-то, кто имел доступ к этим результатам... подправлял их... словно никаких таких людей там не было.*

Если же говорить об ожиданиях информантов относительно результатов следующей переписи, скорее их можно назвать оптимистическими. Большинство информантов высказали предположение, что следующая перепись покажет большее число кашубов и силезцев, что позволит говорить об усилении позиций кашубской и силезской этнической идентичности и успехе той работы, которую проводят активисты. Вместе с тем некоторые информанты встревожены будущим своей этнической группы.

Andrzej (кашуб), Гдыня: *Автор: Как Вы думаете... насколько сильно сегодня кашубы подвергаются ассимиляции?*

А.: *Очень сильно. Это видно постоянно... Во-первых, это культурный вопрос. Каждый год наши традиции исчезают. Родители не говорят со своими детьми по-кашубски. Часто они даже исправляют их... указывают... «Не говори “jo”, а только “tak”!» [«да» по-кашубски и по-польски. — Здесь и далее — комментарии автора]. Эта ассимиляция в польскую культуру сильно подкрепляется глобализацией. И эти процессы, к сожалению, необратимы.*

Законодательный статус сообществ

С самого начала демократического транзита в Польше возникала дискуссия о статусе и правах проживающих в стране этнических меньшинств. Было начато болезненное переосмысление идеала моноэтничного государства, с которым Польша ассоциировала себя вторую половину XX в. (Migonowicz 2000: 8). Как показывает материал различных интервью, эта дискуссия длится и сегодня. Основным инструментом в сфере регуляции межэтнических отношений в Польше является закон «О национальных, этнических меньшинствах и региональном языке», который был принят в 2005 г. Работа над текстом закона велась более десяти лет, в ходе этой работы некоторые кашубские и силезские активисты продвигали идею включения своих

сообществ в список официально признанных и охраняемых государством меньшинств. Закон проводит различие между национальным и этническим меньшинством. Обе группы должны соответствовать следующим критериям: 1) быть менее численными, чем другая часть общества; 2) существенно отличаться от остальных граждан культурой, языком или традициями; 3) стремиться к сохранению своего языка, культуры или традиции; 4) осознавать свою историческую общность и стремиться к ее сохранению и выражению; 5) сообщество должно проживать на территории государства не менее 100 лет. Единственное различие предполагает идентификацию национального меньшинства с народом, реализовавшим свое государство за пределами Польши (Ustawa 2005: art. 2). Так, в законе приводится список из девяти признанных национальных меньшинств в Польше: белорусы, чехи, литовцы, немцы, армяне, русские, словаки, украинцы, евреи, — и четырех этнических меньшинств: караимы, лемки*, ромы, татары. В данном перечне отсутствуют кашубы и силезцы. Но текст закона содержит положение о региональном языке, статус которого в Польше имеет пока лишь один язык — кашубский. Этот статус позволяет признавать кашубский язык вспомогательным в тех повятах и гминах, где согласно переписям более 20 % населения идентифицируют себя как кашубы (Bukowski 2016: 92). Можно утверждать, что с присуждением кашубскому языку статуса регионального связана его определенная легитимация политической элитой. Если до начала XX в. он описывался преимущественно как диалект польского языка, то статья 19 закона утверждает, что региональным языком не может быть признан диалект официального (польского) языка государства.

В литературе существует предположение, что признание кашубского в качестве регионального являлось определенным компромиссом между проявлявшими все более консервативные взгляды членами Комиссии по делам этнических и национальных меньшинств, которая работала над текстом закона, и представителями умеренного крыла кашубского движения, которые демонстрировали кашубско-польскую этническую идентичность (Szymikowski 2008: 112). Тем не менее сегодня кашубы обладают юридическим статусом «сообщество, употребляющее региональный язык», который предоставляет ряд культурных прав (Dołowy 2008: 93). Тема текущего политического статуса, особенностей его реализации и недостатков стала одной из существенных линий в ходе интервью с кашубскими активистами. Исследование выявило, что многие этнические активисты демонстрируют

* Современная украинская этнография продолжает рассматривать лемков в качестве самой западной этнографической группы украинцев, проживающей на территории Украины, Польши и Словакии. Подробнее см.: (Макарчук 2004).

довольно критичную оценку статуса «региональное языковое сообщество». Особенно это касается активистов из организации «Kaszëbskò Jednota».

Marek (кашуб), Вейхерово: Я лично считаю, что кашубы — это прежде всего народ. Также я думаю, что этот закон, о котором мы говорим... ну... просто унижительный для кашубов. Я знаю множество ситуаций, когда какие-то люди пытаются получить грант на культурные акции... если они не связаны с языком, то им отказывают.

Konrad (кашуб), Реда: Этот закон ведет к языковой протекции... но ведь язык — лишь часть нашей каждодневной жизни... Язык — лишь часть нашей этнической культуры. Кроме того... так много кашубов, которые не могут говорить по-кашубски... и что с ними? Они оказываются вне закона?.. Кашубы получили лишь языковые права, но они должны получить все права, как и все остальные этнические и национальные меньшинства.

Интересно, что многие активисты, сравнивая возможности своей группы с другими этническими и национальными меньшинствами страны, чаще всего обращаются к немецкому сообществу. Возможно, это связано с тем фактом, что еще недавно немцы были крупнейшим меньшинством Польши, а их положение считалось наиболее показательным.

Marek (кашуб), Вейхерово: Например... если мы хотим издать книгу... Если мы возьмем немцев, они получают этот грант. Мы же можем лишь... [получить грант] на язык, но не на культуру... И этнические и национальные меньшинства могут получить [грант] в целом на культуру... не только на язык. Я считаю, что кашубы — это не только региональное языковое сообщество, а народ. Поэтому кашубы должны получить признание как этническое меньшинство.

В отличие от кашубов, силезцы не имеют никакого юридического признания. С момента принятия закона силезские активисты трижды (в 2007, 2010 и 2012 гг.) пытались добиться включения силезского в список региональных языков Польши (Siuciak 2012: 35), однако безуспешно. Учитывая этот факт, автору было важно поговорить с активистами из обоих сообществ и выявить их представление о причинах такого различия.

Daniel (силезец), Катовице: — Почему кашубам удалось добиться такого ограниченного признания как сообщество, говорящее на региональном языке, а силезцам — нет?

— Тут есть ментальная причина... Кашубов мало... и кашубы живут на территориях, которые с экономической точки зрения мало что значат. Этот же регион, Силезия, был на протяжении более чем 50 лет сердцем польской индустрии. Частично это еще так и сегодня... хотя и не так сильно... Кашубы являются группой малозначительной... кроме того, кашубы получили этот статус еще тогда, когда Польшей не управляли националисты.

Интересно сравнить такие ответы с позицией кашубов, которые склонны видеть причину в более эффективной стратегии репрезентации сообщества и популяризации представлений о кашубском языке как отдельном от польского, которая была реализована кашубской этнической элитой.

Magdalena (кашубка), Гданьск: Силезия всегда имела свою специфическую позицию по всем вопросам. Это связано с традицией их автономии... как экономической, так и культурной. В чем-то это даже сильнее нашей кашубской отличительности. С другой стороны, Силезия ближе связана с Германией, чем мы. Для меня кашубы, Силезия, украинцы и немцы — все мы один фронт... Кашубы были лучше представлены на политическом уровне... у нас есть свои парламентарии. Кроме того, были люди со значительным авторитетом, профессоры, которые уже многое сделали для признания раньше... Которые не просто представляли нас, но также внесли значительный вклад и в польскую культуру.

Артикуляция этничности, законодательный статус и особенности его достижения

Определяя сообщество: этнографическая группа versus народ

В разнообразной литературе, посвященной феномену кашубской и силезской этнической идентичности, мы можем встретить три подхода к описанию данных групп: польские субэтнотсы, немецкие субэтнотсы и отдельные народы (Obracht-Prondzyński 2007: 23). В специальной этнографической литературе концепт «субэтнос» получил подробное освещение. Например, одно из наиболее полных его определений содержится в глоссарии энциклопедического издания «Народы России» под редакцией ведущего российского этнолога Валерия Тишкова. Одноименная статья определяет субэтническую группу как «общность людей, составляющих часть этноса, занимающих компактную территорию и обладающими культурной, языковой спецификой и элементами общего самосознания.

Она образуется вследствие неполной консолидации этноса, сепарации или миграции части этноса, специфического социального статуса. В ходе консолидации этноса субэтнические группы могут утратить свое самосознание, т.е. превратиться в этнографическую группу и в дальнейшем исчезнуть либо обособиться в самостоятельный этнос» (Тишков 1994: 461). В целом подобное определение близко и польской научной традиции, основные направления которой читатель может найти в специальных исследованиях (Radłowska 2014: 156–161).

К 1920–1930-м годам в польской этнографической школе сложилась довольно разработанная классификация этнических и этнографических групп в стране. Уже первое поколение систематизаторов (А. Fischer, 1926, J. Bystroń, 1925, S. Poniatowski, 1932), стремясь вписать кашубов и силезцев в общие классификационные этнические системы Польши, указывали на их наибольшую специфичность и максимальную культурную отдаленность в сравнении с другими группами. Субэтнический или этнографический статус кашубов и силезцев продолжает утверждаться государством и сегодня (Myśliwiec 2013: 112). Подобное восприятие этих групп является наиболее важным контраргументом в дискуссии о признании их этническим меньшинством. Однако результаты полевого исследования позволяют заключить, что понятие «субэтническая группа» неадекватно для описания этнической идентичности значительной части кашубских и силезских активистов. Многие из них считают себя представителями отдельных народов, которые имеют полное право претендовать на статус этнического меньшинства.

Krzysztof (кашуб), Картузы: Я определяю кашубов как народ.

— Поддерживаете ли Вы законодательное признание кашубов в качестве этнического меньшинства?

— Я бы даже хотел включения кашубов в список национальных меньшинств. Такое признание — это минимум.

Patryk (кашуб), Вейхерово: Для меня кашубы — это народ... и этническое меньшинство в Польше. Думаю, мы должны быть признаны как этническое меньшинство.

Но автор зафиксировал и другие мнения.

Tadeusz (кашуб), Вейхерово: Нет никакого смысла в этом [в законодательном признании как этническое меньшинство] Нас очень хорошо финансируют. Раньше было кое-какое давление, но сейчас... впервые в нашей истории мы получили столько денег. Мы получили денег даже больше, чем можем освоить.

Следует учесть, что данная позиция представлена информантом из Кашубско-Поморской ассоциации, которая декларирует приверженность двойственной польско-кашубской этнической идентичности и получает львиную долю финансовой поддержки со стороны государства. Этнические активисты демонстрируют довольно хорошее осознание как различий между этническим и национальным меньшинством в Польше, так и феноменом этнической и национально-политической идентичности.

***Peter (кашуб), Вейхерово:** К сожалению, в польских школах не учат разнице между гражданским сознанием и национальностью... Приходит ребенок в школу... в его голове может сформироваться картина, что это все одно и то же... Отсюда растет боязнь нашего сепаратизма, что мы — националисты. Будто... мы хотим свое государство... Я вижу этот страх постоянно. Тут, в Вейхерово, или на наших встречах.*

***Daniel (силезец), Катовице:** — Как Вы определяете, кто такие силезцы?*

— Пожалуй... этническое меньшинство... Если говорить откровенно, я бы предпочел национальное меньшинство... но наше законодательство так утверждает.

Несмотря на то что многие активисты также употребляют термины «народ», «нация», когда описывают свое сообщество и желаемый законодательный статус, они вынуждены апеллировать к статусу «этническое меньшинство» как единственному, на который могут претендовать кашубы и силезцы. В этом мы можем увидеть определенное противоречие между самоощущением, практикой описания своей этнической идентичности и юридическим дискурсом, в который активисты вынуждены включиться.

Большая часть информантов, с которыми автору удалось встретиться, выразили убеждение, что кашубы и силезцы — это отдельные народы. Этот факт не следует воспринимать как отображающий пропорцию мнений всего кашубского или силезского сообщества, если мы в принципе можем говорить о некоей позиции таких сообществ*. Скорее такой резуль-

* Уместно упомянуть критику теории группизма Роджерса Брубейкера, согласно которой изучение идентичности в этнополитическом процессе следует основывать на анализе позиции «этнических антрепренеров», которые создают особые «этнизирующие фреймы». В нашем случае антрепренерами выступают этнические активисты в лице членов кашубских и силезских организаций (Брубейкер 2012: 27).

тат объясняется исследовательским интересом автора в отношении групп, позиция которых хуже отражена в научной литературе. Разумеется, автор зафиксировал и другие мнения.

Magdalena (кашубка), Гданьск: — Как вы определили бы, кто такие кашубы?

— Этническое меньшинство... которое имеет разные уровни идентичности... Это всегда зависит от контекста. Я скажу откровенно, если кашубов ущемляют... то я сразу же чувствую себя кашубкой.

Данный нарратив наглядно демонстрирует феномен мерцающей этнической идентичности, которая актуализируется и переключается в зависимости от контекста. В принципе каждая идентичность человека является не неким замершим феноменом, а постоянно подвергается осознанию, оценке и выражению. Информант замечает, что ее этничность, как и степень солидаризации с этнической группой, напрямую зависит от статуса и положения последней. Далее информант демонстрирует особое понимание концепта «народ», которое во многом влияет на то, как он определяет кашубов.

Для меня концепция «народа» опасна... Это постоянно приводило людей к войне, это выделяет других, чужаков... это приводило к тому, что одни люди считали себя чем-то другим, чем-то лучшим. Все это ведет к вытеснению разнообразия, гомогенизации... Но язык надо развивать. Для меня очевидно, что это язык, а не диалект... потому что сообщество, которое говорит на нем, так решило. А что говорит большинство... что ж... это уже дело самого этого большинства.

Marta (кашубка), Гданьск: Вообще... Я боюсь слова «народ»... Я боюсь, что это может вызвать трения в обществе. Я старюсь избегать таких дискуссий. Я и кашубка, и полька одновременно.

Ryszard (силезец), Катовице: Я представитель силезской этнической группы среди польской нации.

Некоторые информанты выразили свое недовольство попытками государства определить номенклатуру этнических или национальных меньшинств в стране.

Peter (кашуб), Вейхерово: Я не люблю, когда кашубов называют этнической группой или этнографической... Это меня немного бесит.

Это уже встраивает нас в рамки каких-то категорий... там... сельское... и так далее... Я не люблю такого позиционирования. Кашуб — это человек кашубской национальности и точка.

— *Поддерживаете ли Вы признание кашубов как этническое меньшинство?*

— *Я вообще хотел бы, чтобы государство в это не вмешивалось... и не решало, кто мы такие. Это дело каждой группы. Не должно быть никаких грантов для меньшинств... Этническое меньшинство... Я не люблю такой дефиниции.*

Интересно, что подобное смущение активистов можно зафиксировать не только в отношении терминов «этническое/национальное». Сам термин «меньшинство» также неоднозначно оценивается некоторыми информантами, вызывая у них неприятные чувства. В литературе, посвященной этнической идентичности кашубов и силезцев, встречается упоминание о том, что некоторые представители обоих сообществ с трудом примеряют на себя роль «меньшинства» (Synak 1998: 27).

Małgorzata (кашубка), Гданьск: *Мы исторически тут жили. И мы вообще-то никогда не чувствовали себя как меньшинство... Это слово... Когда кто-то называет нас так, это звучит как что-то уничижительное...*

Желаемый законодательный статус: целеполагание активистов

Следует отметить, что, хотя многие кашубские и силезские активисты довольно четко определяют недостатки текущего статуса сообщества, большинство из них демонстрирует слабое осознание тех потенциальных возможностей, которые могут быть достигнуты при помощи статуса «этническое меньшинство». Большинство активистов видят в таком статусе прежде всего символическое признание кашубов и силезцев как полноценных народов со стороны государства, демонстрацию уважения к сообществам.

Krzysztof (кашуб), Карпузы: *Это важно для нашего сознания. Это будет значить, что наш язык рассматривают как нормальный... Нам позволяет быть на равных с поляками в государстве.*

Andrzej (кашуб), Гдыня: *Я поддерживаю идею признания кашубов этническим меньшинством... Такой статус даст нам чувство собственного достоинства. Нас всех много лет трактовали как граждан второго сорта... как кого-то, кто хуже. Да мы уже в самих себе*

выработали такое чувство... будто мы в чем-то хуже. Например, родители часто не хотят, чтобы их дети считали себя кашубами... Такой закон показал бы, что польское государство начало нас уважать.

Јасек (силезец), Катовице: — Что такой статус может дать?

— Мой ответ будет тривиальным — хорошее самоощущение. Вот Вам нравится, когда вашу национальность где-то не признают?.. Я гражданин этого государства. И даже не важно, нравится мне это или нет... Я уважаю законы этого государства, плачу тут налоги. Я хочу быть равноправным гражданином. Если мне запрещают свободно определять свою этничность, то тогда я — гражданин второй категории. И это в лучшем случае, если не третьей... Мои конституционные права не соблюдаются. Это записано в Конституции: право самому определять свою идентичность.

Именно символический аспект занимает наиболее важное место в вопросе о признании кашубов и силезцев этническим меньшинством для большинства информантов.

Daniel (силезец), Катовице: — А что, как Вы думаете, такой статус может дать силезцам?

— В целом... Для меня... чувство, что государство не думает только о поляках... Что государство отнеслось ко мне с уважением. Что польское государство перестало мне говорить, что я являюсь чем-то другим, чем я себя чувствую. Я больше ничего и не ожидаю. Мне этого достаточно... Хотя я знаю, что многие силезские организации борются за эти деньги.

Patryk (кашуб), Вейхерово: Мы, кашубы, любим, чтобы у нас все было на бумаге... Это было бы достижением. Это бы показало, что государство смотрит на нас... что нас уважают.

Kamila (кашубка), Реда: Возможно, он [статус] покажет тем людям, которые говорят, что это неважно, что это не так... Это даст большую безопасность для языка, культуры.

Чаще всего активисты видят в таком статусе возможность укрепить чувство этнической идентичности и вовлеченности в кашубское и силезское сообщество и культуру. Гораздо реже информанты прибегают к финансовой аргументации.

Andrzej (кашуб), Гдыня: Финансовый вопрос также очень важен. Министерство внутренних дел сможет финансировать акции, связанные с нашей культурой, а не только с языком... как сегодня.

**Этническое меньшинство:
препятствия и стратегии достижения статуса**

Исследователь стремился выявить оценку активистами возможных трудностей на пути достижения законодательного признания.

Marek (кашуб), Вейхерово: Я думаю... это в значительной степени связано с позицией властей... Они не уважают меньшинства. Департамент, который занимается делами меньшинств [парламентская Комиссия по делам этнических и национальных меньшинств] с 2004 года нами не занимается... только церковные дела... все мероприятия посвящены только польской государственности, независимости.

Patrycja (силезка), Катовице: Польша боится любого сепаратизма... Это вечная проблема. Это возникло не сегодня. Это было и сто, и триста лет назад.

Andrzej (кашуб), Гдыня: Страх, прежде всего... Польша боится сепаратизма. Нет никакого сепаратистского движения на Кашубах... но, несмотря на это... постоянно повторяется: «Не давайте им никаких прав. Сегодня они хотят права, а завтра... отделения» и так далее.

Peter (силезец), Катовице: Они [власти] боятся, что эта идентичность [силезская] усилится и распространится. Это приведет к желанию отделения.

Исследование показывает, что многие кашубские и силезские активисты действительно видят главную причину непризнания себя как этнического меньшинства в факте страха польского общества и опасения политической элиты из-за возможного сепаратизма и отделения регионов. В то же время почти все информанты во время интервью стремились подчеркнуть беспочвенность таких опасений и то, что такое подозрение значительно затрудняет развитие кашубско-польского и силезско-польского диалога.

Andrzej (кашуб), Гдыня: Я скажу так: единственная вещь, которая способна подтолкнуть меня к сепаратизму... это то, что поляки обвиняют нас в сепаратизме. Кроме того, этот страх всех нас блокирует.

Patryk (кашуб), Вейхерово: Этот страх является причиной отсутствия поддержки... и этот страх продолжается с конца войны. Словно... если мы признаем кашубов как что-то отдельное от поляков, это приведет к политической слабости, стабильности национальной

ситуации... Страх, что государство распадется на маленькие группки. Я не думаю, что такое признание [кашубов как этнического меньшинства] будет простым.

Примечательно, что субъективные ощущения этнических активистов, выявленные в ходе полевой работы, ярко подтверждают ту оценку национализма меньшинств со стороны государства и гражданского общества, которую фиксирует в Центральной и Восточной Европе канадский политолог Уилл Кимлика. Ученый утверждает, что претензии на культурную и этническую специфику воспринимаются доминирующим большинством как проявление нелояльности к государству в целом, а проекты территориальных или культурных автономий этнических меньшинств как несовместимые с идеей стабильного и сильного государства (Кимлика 2003: 262). При этом лишь два информанта (оба в Силезии) серьезно рассматривают возможность создания собственного силезского государства, которое было бы абсолютно независимым от Польши. Однако сам способ обсуждения такой возможности значительно различается. Один информант выражает реальное желание достижения независимого силезского государства, что было бы логическим результатом исторического развития силезского народа.

Dariusz (силезец), Катовице: — *Что для Вас значит «быть силезцем»?*

— *Это значит быть отдельным народом... как и другие без государственных народы в Европе: баски, каталонцы, шотландцы, фризы... Мы должны начать с вопроса о том, кого можно назвать силезцем... Я полагаю, что силезец — это человек, который идентифицирует себя с силезским народом.*

— *А что Вы понимаете под словом «народ»?*

— *Общество, которое... хочет жить в собственном государстве... со своим собственным языком, своей историей и культурой.*

Другой информант воспринимает такую идею скорее как инструмент для манипуляции на пути к достижению больших культурных прав для Силезии.

Daniel (силезец), Катовице: — *Как Вы полагаете... какие стратегии, действия силезских организаций могут помочь достичь статуса «этническое меньшинство»?*

— *Я все более и более склоняюсь к теории, что... требование собственного силезского государства. Наблюдение за разными автономия-*

ми в Европе учит меня, что этническое признание достигается теми, кто всегда требует большего... что... желание создать собственное государство ведет к тому факту, что государство начинает уступать. Это уже доказано шотландцами, басками и так далее... Я склоняюсь больше и больше... что только очень радикальные требования могут спровоцировать такую реакцию.

Автор спрашивал активистов о возможных стратегиях, которые, по их мнению, могут помочь в достижении статуса «этническое меньшинство».

Andrzej (кашуб), Гдыня: *Мы должны объединиться. Мы не должны быть разбитыми, а работать над объединением в одну группу... Это принесет нам очень много. Очень важно, что хорошая атмосфера была создана кашубскими политиками. Послы, сенаторы могут сделать очень много... но им необходимо больше смелости.*

Уже в этой короткой цитате имплицитно описываются две потенциальные стратегии: объединение всех кашубов в рамках единой представительской организации и политическое представительство сообщества на государственном уровне. Если во втором случае уже достигнуты значительные результаты (информант ссылается на опыт кашубской коалиции в парламенте (группы депутатов кашубского происхождения или симпатиков кашубско-поморского регионального движения в разных каденциях); такая коалиция призвана следить за соблюдением интересов кашубов как регионального языкового сообщества во время принятия законов и бюджета (Kleina 2017: 137), то первая стратегия пока еще далека от реализации. Как позволяют заключить результаты интервью кашубских активистов, члены наиболее активных организаций: ZKP и KJ, — порой резко критикуют деятельность друг друга.

Так, члены «Kaszëbskô Jednota» недовольны утриванной лояльностью оппонентов к власти, фольклорным уклоном и декларацией двойственной кашубско-польской идентичности.

Krzysztof (кашуб), Карпузы: *Кашубско-Поморская ассоциация — это организация... скорее фольклористическая. Их главная цель — показать кашубские песни, костюмы... и на этом все заканчивается.*

Peter (кашуб), Вейхеро: *Кашубско-Поморская ассоциация — это сильная организация, с традицией... хорошо организованная. Но она подает мощный сигнал: мы немножко другие, но вообще-то мы поляки.*

Мы говорим чуть-чуть иначе, у нас есть кое-какая культура... Но ни в коем случае не бойтесь нас. Мы ничего плохого не сделаем.

Andrzej (кашуб), Гдыня: Главная слабость ZKP — это ее политизация. Они боятся сделать что-то, что не понравилось бы политикам. Во время одного конгресса был президент Анджей Дуда... Это, конечно, хорошо, что такие политики посещают нас... но... как по мне, так сильно подчеркивалось... что это не кашубский конгресс, а политический. Там нет никакой инициативы для молодежи. Там полно стариков, которые не хотят позволить молодежи что-то сделать.

Члены же ZKP, напротив, убеждены, что именно их организация, как самая крупная и старая, может адекватно представлять позицию сообщества.

Tadeusz (кашуб), Вейхерово: *Kaszëbskô Jednota* объединяет людей, которые заявляют о кашубской национальности. У них несколько иной взгляд на идентичность, но... ассоциация показывает позицию всего сообщества... Мы не говорим о кашубской национальности, но скорее о сообществе... сообществе, которое говорит на региональном языке... Мы стараемся избегать слова «нация».

Автору было интересно выявить субъективные представления активистов кашубского и силезского движения о популярности идей признания этническим меньшинством среди сообщества, которое они стремятся представлять.

Andrzej (кашуб), Гдыня: — Как Вы думаете... поддерживает ли большинство кашубов признание сообщества как этнического меньшинства?

— Я думаю, нет... Нет даже понимания того, какие права у нас есть. Люди не интересуются этим. Думаю, если мы спросим... многие люди даже не поймут, о чем речь. Но если мы говорим о сознательных кашубах... Где-то около половины из них хотят такого статуса.

Patryk (кашуб), Вейхерово: — Поддерживает ли большинство кашубов утверждение такого статуса?

— Большинство кашубов, которые декларируют себя как кашубы, — да. Но те, кто ассимилированы... Я думаю, что они могли бы быть даже шокированы этим.

— А кто, по Вашему мнению, является ассимилированным кашубом?

— Кашуб... который говорит, что он происходит из Кашубии... что его предки говорили по-кашубски, что он частично кашуб, частично поляк, например.

Daniel (силезец), Катовице: — Как много людей, которые называют себя силезцами во время переписи, поддерживают достижения статуса «этническое меньшинство»?

— Я думаю, что большинство.

Быть этническим «другим» в современной Польше: оценка позиции государства

Почти все кашубские и силезские активисты, принявшие участие в исследовании, продемонстрировали высокий уровень обеспокоенности недостаточным вниманием со стороны государства. Вне зависимости от идеологической позиции и взглядов на необходимость статуса этническое меньшинство информанты жаловались на слабую репрезентацию сообществ, их этнических движений и этнической культуры в политическом, научном и публичном дискурсе Польши.

Многие активисты делились опытом негативного, порой даже агрессивного восприятия своего кашубского/силезского происхождения и особенностей культуры со стороны поляков. Однако степень болезненности подобного опыта значительно разнится среди информантов. Мы можем выделить несколько наиболее часто фиксируемых его форм. Среди них будут многочисленные этнические стереотипы.

Magdalena (кашубка), Гданьск: Меня в детстве постоянно обзывали... Другие дети называли меня черной кашубкой. Считалось, что у нас черные языки.

Уничижительное описание кашубского и силезского сообществ как сельских групп, неграмотных, не способных создать какой-либо ценный культурный продукт.

Jacek (силезец), Катовице: Я помню свою школу... Это был урок польского языка, нам что-то рассказывали о диалектах. Учительница говорила о мазурском, кашубском диалекте... о других. И тут я спросила ее: «А как же наш говор [gwara]?» И тогда учительница ответила, что раньше был такой диалект... силезский... но только в селах, и только неграмотные люди говорили на нем. Мне это было так обидно... Ведь на этом языке я говорил со своими бабушкой и дедушкой...

Marek (кашуб), Вейхерово: Наши школьные учителя говорили нам: «Не говорите по-кашубски в Гданьске. Иначе к вам отнесутся как к селякам».

В то же время лишь некоторые информанты были готовы поделиться опытом негативного восприятия со стороны этнических поляков, обращенного к ним лично.

Andrzej (кашуб), Гдыня: Часто я вижу, как поляки пишут о нас грязные вещи в Интернете. Существует столько стереотипов, будто мы, кашубы, только пьем и воруем... Несколько раз я сталкивался с вербальной агрессией. Например... Я шел по улице и говорил по-кашубски по телефону... и сталкивался с агрессией... не один раз мне кто-то говорил: «Если ты живешь в Польше, говори по-польски, или уезжай».

Один информант высказал твердое убеждение, что его этнический активизм и убежденность в том, что кашубы — отдельный народ, стали причиной многочисленных конфликтов на рабочем месте и последующего увольнения. Более половины информантов (из разных организаций) заявили, что они ощущают снижение толерантного отношения к представителям этнических и национальных меньшинств в польском обществе.

Daniel (силезец), Катовице: Национализм очень быстро развивается в Польше... и я отмечу — в худшую сторону. Поляки становятся... они всегда были чуточку националистами, но с недавних пор эти взгляды поляков радикализировались. Я вижу это... У нас тут есть такие футболки, с надписью «Я силезской национальности»... Они тут раскупались тысячами людей как сувениры. Сейчас люди боятся их носить... боятся выходить на улицу с надписью «Я силезской национальности». К тебе может подойти пара молодых людей... футболисты там или кто... не знаю... и они могут ударить тебя по морде за такую футболку... Несколько лет назад такое невозможно было представить... Я вижу процесс радикализации настроений среди поляков.

Peter (силезец), Катовице: Нас упрекают... Поляки нас совсем не понимают... Польская националистическая наррация в польских медиа вовсе не репрезентирует то, что мы хотим... но только их представление о наших нуждах... Когда один польский публицист заявляет

о том, чего силезцы хотят... так он несет такой бред... Но все они вещают с телевизоров на миллионы и очень редко спрашивают настоящих представителей Силезии. У нас просто нет сил, чтобы сказать полякам, чего мы действительно хотим.

Magdalena (кашубка), Гданьск: — Как бы Вы могли описать то, как главные политические партии в Польше относятся к кашубскому движению?

— Опасение... любое разнообразие несет опасение... Потому что в любом разнообразии скрыто потенциальное несогласие, каждое меньшинство по-разному видит ситуацию, правда?... Каждый, у кого гибридная идентичность, по-другому воспринимает реальность.

Многие информанты в ходе общения постоянно обращались к традиции недостаточного уважения со стороны польского государства в отношении этнических и культурных меньшинств. Порой такие мысли могли развиваться в долгие нарративы.

Jacek (силезец), Катовице: Вы знаете... Я не специалист по польской национальной душе... Мне эта душа не очень нравится... та душа, которую я вижу. Она основана на так называемых идеях романтизма... она сегодня звучит во время маршей на наших улицах. Все это основано на презрительном отношении к личности, неприятию мигрантов, меньшинств. Поляки должны бросить считать себя избранным народом. Действительно... разве это показатель слабости для них, если они признают существование одного миллиона силезцев? Я не понимаю причины всего этого. Для меня это все проявление какого-то высокомерия, снобизма... Если ты отрицаешь польскость, то тогда в глазах поляков ты вообще отказываешься от цивилизации или культуры...

Daniel (силезец), Катовице: Поляки — жуткие националисты... Поляки всегда стремились переделать все этнические меньшинства на своей территории в поляков... Они просто не могут поверить, что есть этническая группа, которая не чувствует себя поляками. Как правило, самый частый ответ поляков в такой ситуации: «Если ты не любишь Польшу, то убирайся в Германию». И мне приходится объяснять, что я не чувствую себя поляком, но я еще больше не чувствую себя немцем... Они нас так классифицируют... будто силезскость — это закамуфлированная немецкая опция... Это как будто, если ты не поляк, то ты немец... Поляки никогда не признавали существование силезской нации.

Тесная связь между феноменом этничности и идеей государственной лояльности является отличительной чертой национализма в регионе Центрально-Восточной Европы. Существует значительный объем литературы, посвященной данному вопросу*. Все государства региона воспринимают себя как национальные и одинаково болезненно реагируют на мобилизацию среди своих этнокультурных меньшинств. В регионе, где чуть более века назад были полиэтнические империи и десятки малых безгосударственных народов, стабильность национального государства в его современных границах сегодня считается одной из наиважнейших ценностей. Открытие дискуссии о роли этничности в национальных движениях Центральной Европы, вероятно, принадлежит уже одному из первых классиков теории национализма. Ганс Кон, предложивший разделение национализма на восточный и западный типы, утверждал, что повышенная «этнизированность» национальных движений в Восточно-европейском регионе, связана с гораздо более поздним развитием тут капиталистических отношений и индустриализации (Kohn 1955: 30). Другую версию предложил Мирослав Грох, согласно которому, лидеры, возглавившие национальные движения в Центрально-Восточной Европе, были преимущественно представителями политически недоминантных этнических групп. В силу самого безгосударственного статуса группы, которую они представляли, у этой новой элиты отсутствовал сколь угодно значительный опыт политического участия. Именно этническая риторика представлялась им наиболее эффективной для легитимации своих идей и вхождения в политику (Хрох 2012: 138).

Как отмечает Роджерс Брубейкер, в данном регионе государства, основанные на этничности, воспринимаются как государства конкретных этнокультурных наций, как созданные ради них и их защит (Брубейкер 2012: 266). Это переплетение этничности и национализма приводит к тому, что порой демонстрация альтернативных вариантов этнической идентичности, равно как и критика унитарной модели интеграции, воспринимается значительной частью общества как проявление сепаратизма и прямой угрозы национальному единству. Требование этнических групп свободы в сфере выражения этничности так, как они ее понимают, желание акти-

* Можем посоветовать читателю: Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations* (1985); Снайдер Т. *Реконструкция наций* (2013); Brubaker R. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe* (1996); Kamusella T. *The Politics of Language and Nationalism in Modern Central Europe* (2009).

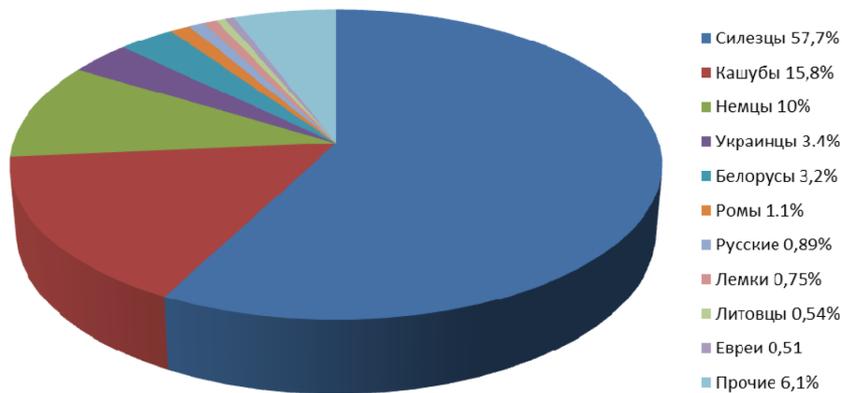

График 2. Соотношение основных этнических и национальных меньшинств в Польше к общему количеству граждан, указавших непольскую этническую идентичность

Расчеты автора, источник — результаты переписи 2011 г.

вистов войти в перечень уже признанных меньшинств воспринимаются как опасность стабильности государства. Данный факт осложняет развитие этнического активизма среди анализируемых нами групп.

Заключение

Как показывает наше исследование, деятельность кашубских и силезских активистов, а также продуцируемый ими дискурс являются богатым материалом для анализа современной специфики межэтнических отношений и национальной политики в Центральной Европе. Сегодня мы наблюдаем стремительный рост числа людей, идентифицирующих себя как этнических кашубов и силезцев, что делает данные группы сообществами с непольской идентичностью, оставляющими далеко позади традиционно признаваемые этнические и национальные меньшинства в стране.

Говоря о стратегиях артикуляции и декларации собственной этнической идентичности, мы можем отметить как высокий уровень бинарной модели, характерной для обоих сообществ (кашуб-поляк, силезец-поляк), так и увеличение доли лиц, убежденных в том, что они являются представителями отдельных народов, имеющих полное право на юридическое признание в качестве охраняемого государством этнического меньшин-

ства. Опираясь на материалы интервью с этническими активистами, можно утверждать, что этнический комплекс, который десятилетиями заставлял кашубов и силезцев скрывать свое этническое происхождение и стал распространенным в научной литературе теоретическим инструментом для анализа их этнической идентичности, постепенно утрачивает свою силу. Максимальное значение комплекса сохраняется лишь для представителей старшего поколения, тогда как молодежь становится все более открытой к публичной демонстрации своей непольской идентичности. Именно в этом и заключается процесс смены традиционных моделей этноидентификации, переживаемый членами обеих групп. Анализ стратегий этнической идентичности, выявленных в ходе общения с информантами, позволяет утверждать, что концепт субэтнуса или этнографической группы сегодня неадекватен для описания всего комплекса самоощущений значительного числа кашубских и силезских активистов, хотя и продолжает активно циркулировать в политическом дискурсе Польши.

Проведенное исследование позволяет утверждать о значительной степени недовольства среди активистов двух этнических движений в Польше текущим законодательным статусом своей группы. Акцент на защиту языковых прав, который предлагает современное законодательство Польши, не удовлетворяет растущие амбиции этнических активистов. За последние годы сформировалось несколько организаций, которые декларируют своей целью достижение статуса «этническое меньшинство». Провозглашая кашубов и силезцев отдельными народами, данные организации проводят активную работу по популяризации идей этнической и культурной отличительности своих групп от поляков. Результаты переписей свидетельствуют об определенных успехах такой работы. Вместе с тем активисты фиксируют напряжение этнической ситуации в государстве и регионе, вызванное усилением позиций национализма титульных наций. По-разному переживая болезненный опыт восприятия себя как этнически «инакового», такие активисты все сильнее склоняются к убеждению о необходимости признания своих сообществ официальными этническими меньшинствами, что позволит им получить государственную защиту. Основную преграду для предоставления такого статуса активисты видят в страхе политической элиты перед возможным сепаратизмом и дезинтеграцией общества. Вместе с тем, как выявило исследование, большинство активистов, несмотря на четкую артикуляцию своего недовольства текущим правовым статусом группы, обладают слабым представлением о тех возможностях, которые сулит данный статус, и возможных путях его достижения. В признании кашубов и силезцев этническим

меньшинством они прежде всего видят символический компонент, который продемонстрировал бы уважительное отношение к ним со стороны государства.

Сталкиваясь с многочисленными примерами неприятия и враждебности при попытке выразить и утвердить собственное представление о своей этнической идентичности, многие кашубские и силезские активисты испытывают тревогу, разочарование и непонимание. Порой это может приводить к радикализации политических взглядов активистов. Проведенное исследование позволяет заключить, что в среде двух наиболее крупных этнокультурных меньшинств Польши наблюдается устойчивое желание повысить собственный социальный престиж и правовой статус.

Литература

- Барт Ф. (2000) *Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий*. М.: Новое издательство.
- Брубейкер Р. (2012) *Этничность без групп*. М.: ВШЭ.
- Кимлика У. (2003) Федерализм и сецессия: Восток и Запад. *Ab imperio*, 3–4: 245–317.
- Магочий П. (1995) Русинське питання. *Політична думка*, 2–3(6): 105–115.
- Макарчук С. (2004) *Етнографія України*. Львів: Світ.
- Мишанич О. (2013) Політичне русинство: історія і сучасність. Ідейні джерела закарпатського регіонального сепаратизму. Скрипник Г. (ред.) *України-русини: етнолінгвістичні та етнокультурні процеси в історичному розвитку*. Київ: НАН України, ІМФЕ ім. М. Т. Рильського: 9–62.
- Тишков В. (ред.) (1994) *Народы России: энциклопедия*. М.: Большая российская энциклопедия.
- Хрох М. (2012) От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. Андерсон Б. (ред.) *Нации и национализм*. М.: Праксис: 121–145.
- Цадко О. (2016) Полесье и опыт национального конструирования (1988–1995). *Палітычная сфера*, 24(1): 78–93.
- Bukowski Z. (2016). Prawny status języka regionalnego w Polsce na przykładzie języka kaszubskiego. *Studia z Zakresu Prawa, Administracji Zarządzania*, 9: 89–108.
- Bystroń J. (1925) *Ugrupowania etniczne ludu polskiego*. Kraków: Orbis.
- Dołowy N. (2008) Kaszubi — naród, mniejszość, grupa posługująca językiem regionalnym. *Przegląd humanistyczny*, 6: 73–94.
- Fischer A. (1926) *Lud polski: podręcznik etnografii Polski*. Lwów: Wyd. im Ossolińskich.
- Kamusella T. (2016) Silesian: from gwara to language after 1989. *Rocznik Polsko-Niemiecki*, 24(1): 78–119.

Kleina K. (2017) Kaszubska siła w parlamencie. In: Obracht-Prondzyński C. (ed.) *Spoleczność kaszubska w procesie przemian: kultura-język-tożsamość*. Warszawa: Kancelaria Senatu: 137–149.

Kohn H. (1955) *Nationalism. Its meaning and history*. Princeton: Krieger Publishing Company.

Kokaisl P. (2017) Co znamená být slovenským Rusínem? Proměna etnické identity rusínské menšiny na Slovensku. *Historická sociologie*, 2: 85–102.

Latoszek M. (1996) *Pomorze — zagadnienia etniczno-regionalne*. Gdańsk: Gd. Tow. Nauk.

Michna E. (2014) Odrębność językowa małych grup etnicznych i jej rola w procesach walki o uznanie oraz polityce tożsamości: analiza porównawcza sytuacji Rusinów Karpaccich i Ślązaków. *Studia Humanistyczne*, 3(13): 115–130.

Mironowicz J. (2000) *Polityka narodowościowa PRL*. Białystok: Wyd. Białoruskiego Towarzystwa Historycznego.

Mordawski J. (2005) *Statystyka ludności kaszubskiej. Kaszubi u progu XXI wieku*. Gdańsk: Instytut Kaszubski.

Myśliwiec M. (2013) Ślōnskō godka — przaśny folklor czy język regionalny? *Przegląd Prawa Konstytucyjnego*, 3(15): 99–121.

Obracht-Prondzyński C. (2007) *Kaszubi dzisiaj. Kultura — język — tożsamość*. Gdańsk: Instytut Kaszubski.

Poniatowski S. (1932) *Etnografia Polski*. Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Radłowska K. (2014) Między grupą etnograficzną a narodem. Status Tatarów polskich w świetle dotychczasowych badań. *Pogranicze. Studia Społeczne*, XXIII: 155–166.

Siuciak M. (2012) Czy w najbliższym czasie powstanie język śląski? *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza*, 19(39): 31–44.

Synak B. (1998) *Kaszubska tożsamość, ciągłość i zmiana: stadium socjologiczne*. Gdańsk: Wyd. Uniw. Gdańskiego.

Szymikowski D. (2008) Kwestia kaszubska w pracach sejmowej Komisji Mniejszości Narodowych i Etnicznych (1989–2005). In: *Mniejszości narodowe i etniczne w Europie Środkowej*. Opole: 101–114.

Vuković P. (2015) Buniewcy z Bački — język i tożsamość. *Poznańskie Studia Slawistyczne*, 8: 239–256.

Zieniukowa J. (2009) Zmiany w statusie języka kaszubskiego od połowy XX wieku do początku XXI wieku. *Etnolingwistyka*, 21: 259–269.

Источники

Raport z wyników Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań (2002). Warszawa: Główny Urząd Statystyczny.

Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011. Struktura narodowo-etniczna ludności Polski (2015). Warszawa: Główny Urząd Statystyczny.

Oświata i wychowanie w roku szkolnym 2015/2016 (2016). Warszawa: Główny Urząd Statystyczny.

Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. "O mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym" [http://orka.sejm.gov.pl/proc4.nsf/ustawy/223_u.htm] (дата обращения: 26.04.2019).

BETWEEN THE ETHNOGRAPHIC GROUP AND THE PEOPLE: THE NATIONAL DISCOURSE OF KASHUBIAN AND SILESIAI ACTIVISTS IN CONTEMPORARY POLAND

Oleksandr Vasiukov
(avasyukov@hse.ru)

National Research University Higher School of Economics in Saint-Petersburg;
European University at Saint-Petersburg, Saint-Petersburg, Russia

Citation: Vasiukov O. (2019) Mezhd u etnograficheskoy gruppy i narodom: natsionalnyy diskurs kashubskikh i silezskikh aktivistov v sovremennoy Polshe [Between the ethnographic group and the people: the national discourse of Kashubian and Silesian activists in contemporary Poland]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(2): 173–209 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.7>

Abstract. This article is focused on analysis of the national discourse produced by activists of the Kashubian and Silesian ethnic movements in contemporary Poland. Kashubians and Silesians are the West Slavic ethnic groups that traditionally lived in the area of Polish-German cultural contact. For many years both groups have been described in Polish scientific and political discourse as ethnographic groups of Poles. Although, today there are organizations and activists among these communities, which demand the recognition of Kashubians and Silesians as separate peoples and their inclusion in the list of legally recognized ethnic minorities in Poland. The article shows the results of a field study that was carried out in the autumn of 2018 in Pomeranian and Silesian Voivodeships of Poland. The author has realized the series of semi-structured in-depth interviews with the members of several Kashubian and Silesian organizations. The main topic of discussions was connected with current and desired legal status, strategies and the main difficulties on the way of its achievement. The author also investigates the strategies of ethnic self-presentation among Kashubian and Silesian activists and their reception of contemporary national policy in Poland. The research has revealed that there is a strong desire to improve legal status among Kashubian and Silesian activists. Many ethnic activists note the insufficient attention from the state, as well as disrespectful attitude from the ethnic majority in the country. Despite a thorough understanding of all shortcomings of a current legal status, Kashubian and Silesian activists express a weak

understanding of the opportunities that can be achieved through the status of ethnic minority. Ethnic activists perceive such a status as an evidence of the democratization in Polish society and demonstration of respect for them.

Keywords: Kashubians, Silesians, Poland, ethnic minority, ethnic activism.

References

- Bart F. (2000) *Etnicheskiye gruppy i sotsial'nyye granitsy: Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichiy* [Ethnic Groups and Social Boundaries: The Social Organization of Culture Difference]. Moscow: Novoye izdatel'stvo (in Russian).
- Brubaker R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moscow: VSHE (in Russian).
- Bukowski Z. (2016). Prawny status języka regionalnego w Polsce na przykładzie języka kaszubskiego. *Studia z Zakresu Prawa, Administracji Zarządzania*, 9: 89–108.
- Bystron J. (1925) *Ugrupowania etniczne ludu polskiego*. Kraków: Orbis.
- Dołowy N. (2008) Kaszubi — naród, mniejszość, grupa posługująca językiem regionalnym. *Przegląd humanistyczny*, 6: 73–94.
- Fischer A. (1926) *Lud polski: podręcznik etnografji Polski*. Lwów: Wyd. im Ossolińskich.
- Hroch M. (2012) Ot natsional'nykh dvizheniy k polnost'yu sformirovavsheysya natsii: protsess stroitel'stva natsiy v Yevrope [From national movements to fully-formed nation: the nation-building process in Europe] In: Anderson B. (ed.) *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalisms]. Moscow: Praksis: 121–145 (in Russian).
- Kamusella T. (2016) Silesian: from gwara to language after 1989. *Rocznik Polsko-Niemiecki*, 24(1): 78–119.
- Kleina K. (2017) Kaszubska siła w parlamencie. In: Obracht-Prondzyński C. (ed.) *Spoleczność kaszubska w procesie przemian: kultura-język-tożsamość*. Warszawa: Kancelaria Senatu: 137–149.
- Kohn H. (1955) *Nationalism. Its meaning and history*. Princeton: Krieger Publishing Company.
- Kokaisl P. (2017) Co znamená být slovenským Rusínem? Proměna etnické identity rusínské menšiny na Slovensku. *Historická sociologie*, 85–102.
- Kymlicka W. (2003) Federalizm i setsessiya: Vostok i Zapad [Federalism and Secession: East and West]. *Ab imperio*, 3–4: 245–317 (in Russian).
- Latoszek M. (1996) *Pomorze — zagadnienia etniczno-regionalne*. Gdańsk: Gd. Tow. Nauk.
- Magochyy P. (1995) Rusynske pytannya [The Ruthenian question]. *Politychna dumka* [Political Thought], 2–3(6): 105–115 (in Ukrainian).
- Makarchuk S. (2004) *Etnohrafiya Ukrainy* [Ethnography of Ukraine]. Lviv: Svit (in Ukraine).
- Michna E. (2014) Odrębność językowa małych grup etnicznych i jej rola w procesach walki o uznanie oraz polityce tożsamości: analiza porównawcza sytuacji Rusinów Karpackich i Ślązaków. *Studia Humanistyczne*, 3(13): 115–130.
- Mironowicz J. (2000) *Polityka narodowościowa PRL*. Białystok: Wyd. Białoruskiego Towarzystwa Historycznego.

Mordawski J. (2005) *Statystyka ludności kaszubskiej. Kaszubi u progu XXI wieku*. Gdańsk: Instytut Kaszubski.

Myshanych O. (2013) Politychne rusynstvo: istoriya i suchasnist'. Ideyni dzherela zakarpatśkoho rehionalnoho separatyzmu [Political Ruthenianism: history and modernity. The ideological sources of regional separatism in Zakarpattia]. In: Skrypnyk H. (ed.) *Ukrayintsi-rusyyny: etnolinhvistychni ta etnokulturni protsesy v istorychnomu rozvytku*. [Ukrainians-Ruthenians: ethnolinguistic and ethnocultural processes from a historical perspective]. Kiiv: NAN Ukrainy, IMFE im. M. T. Ryłśkoho: 9–62 (in Ukrainian).

Myśliwiec M. (2013) Ślōnskō godka — przaśny folklor czy język regionalny? *Przegląd Prawa Konstytucyjnego*, 3(15): 99–121.

Obracht-Prondzyński C. (2007) *Kaszubi dzisiaj. Kultura — język — tożsamość*. Gdańsk: Instytut Kaszubski.

Poniatowski S. (1932) *Etnografia Polski*. Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich

Radłowska K. (2014) Między grupą etnograficzną a narodem. Status Tatarów polskich w świetle dotychczasowych badań. *Pogranicze. Studia Społeczne*, XXIII: 155–166.

Siuciak M. (2012) Czy w najbliższym czasie powstanie język śląski? *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza*, 19(39): 31–44.

Synak B. (1998) *Kaszubska tożsamość, ciągłość i zmiana: stadium socjologiczne*. Gdańsk: Wyd. Uniw. Gdańskiego.

Szymikowski D. (2008) Kwestia kaszubska w pracach sejmowej Komisji Mniejszości Narodowych i Etnicznych (1989–2005). In: *Mniejszości narodowe i etniczne w Europie Środkowej*. Opole: 101–114.

Tishkov V. (ed.) (1994) *Narody Rossii: entsiklopediya*. [The peoples of Russia. Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya (in Russian).

Tsadko O. (2016) Poles'ye i opyt natsional'nogo konstruirovaniya (1988–1995) [Polesia and the experience of national construction (1988–1995)]. *Politychnaya sfera* [Political sphere], 24(1): 78–93 (in Russian).

Vuković P. (2015) Buniewcy z Bački — język i tożsamość. *Poznańskie Studia Slawistyczne*, 8: 239–256.

Zieniukowa J. (2009) Zmiany w statusie języka kaszubskiego od połowy XX wieku do początku XXI wieku. *Etnolingwistyka*, 21: 259–269.